

Троица торопливо избавилась от всего лишнего, что было при них, начисто поснимав любые кошельки, придворные пояса, нефритовые подвески и меховые бубоны.

Цзинь Унян переделся в простое темно-красное платье воина и вдруг произнес:

— Чжан Хуа, мы ведь не взяли с собой старшую госпожу и двух маленьких господ.

Чжан Хуа ответил:

— Конечно, они останутся в столице, там они в безопасности. В безопасности не только мама.

Ван Цянь спросил:

— Ты и вправду так думаешь?

— Лишний человек — лишь лишняя обуза, — холодно бросил Чжан Хуа. — Мы не сможем наверняка защитить госпожу Дици под грозным гневом премьер-министра, не нужно создавать себе дополнительных хлопот.

Цзинь Унян высказал свое мнение:

— Этот старый негодяй способен убить жену, значит, убьет и детей! Чжан Хуа, ты вечно твердишь, что даже тигр не пожирает своих детенышей, но я в это не верю! — Он тяжело задыхался, а затем злобно добавил: — Во всем виноват только этот старый негодяй, если я убью его, госпоже Дици больше не придется прятаться!

Чжан Хуа приказал:

— Стоять! Премьер-министр — не та птица, по которой стоит проливать слезы, но госпожа Дици тяжело ранена, а если два юных господина лишатся еще и отца, неужели ты хочешь, чтобы мы, четверо братьев, за ними ухаживали? Пока премьер-министр жив, тяжелое ранение госпожи Дици — это их семейное дело, и пока сам премьер не издал ни звука, никто другой не смеет вмешиваться. Но если премьер-министра не станет, сердца людей изменятся, и кто тогда сможет удержать общее положение? Кто успокоит двор, армию и цзянху?

— С чего ты взял, что этот старый негодяй не разошлет официальные ордера на арест и призывы к героям боевых искусств?

— Потому что он не может допустить, чтобы об этом узнали император, придворные чиновники и дядя. Все должно оставаться в тайне, и ему еще придется прикрываться тем, что это мы похитили эту шайку молодых господ. — Чжан Хуа обернулся и бросил: — Эти юные господа и барышни уже напоены снотворным и без чувств? Отлично, пусть Скрытое знамя доставит их в загородное поместье, каждый день приводит в сознание и скармливает по миске рисовой каши, а через шесть дней отпустит обратно. Никаких новостей в этот период выведывать не нужно, чьих бы приказов — даже госпожи Дици или моих — они не смеют слушать.

Цзинь Унян возмущенно схватил его за рукав:

— Если я рискну собственной жизнью и убью премьер-министра, тогда никто не причинит вреда матери. Даже если мне придется заплатить за это головой, оно того стоило бы.

— В таком случае тебе точно пришлось бы расстаться с жизнью, — возразил Чжан Хуа. — Мать дожила до сегодняшнего дня во-первых, благодаря собственным способностям, а во-вторых,

потому что они с премьер-министром и дядей поддерживали друг друга и полагались лишь друг на друга в этом мире. Премьер-министр вовсе не так бездарен, как тебе кажется: ликвидация последствий стихийных бедствий, подавление мятежей, борьба с эпидемиями, несколько крупных побед на границе, бурные политические бури при дворе — сколько попутчиков погибло по дороге, и только премьер-министр прошел весь путь невредимым. В этом есть заслуга и госпожи Дицзи, но все эти годы его доверие к Дицзи и слаженность их действий были безупречны.

Чжан Хуа слегка погрузтел и отвернулся:

— Надеюсь, однажды станет известно, зачем премьер-министр вообще совершил подобное.

— Т-тогда давай отправимся к императору и вдове-императрице, спрячемся во дворце. Мы потребуем у них ответа.

— Дицзи, конечно, важна, но все же она не принадлежит к императорскому роду, а премьер-министр — незаменимый сановник, чье присутствие жизненно важно для преобразований при дворе. Премьер-министр силен и незаменим, а положение Дицзи слабо и ненадежно, и император тоже должен считаться с тем, чтобы не ранить чувства столь влиятельного сановника. Стоит императору хоть немного замешкаться и отказаться в разрешении Дицзи укрыться во дворце на лечение, как премьер-министр опомнится, и тогда все будет кончено. Иными словами, даже если бы Дицзи смогла лечиться во дворце, разве премьер-министр не смог бы навестить ее? Красноречие премьера позволит представить все случившееся обычной случайностью в два счета.

Все трое потеряли дар речи.

Чжан Хуа отдал приказания сотникам:

— Знамя Летящего Феникса пусть ведет своих людей к порту готовить отплытие в море, Знамя Летящего Тигра — к границе готовиться к тайному переходу застава, Знамя Летящего Барса — занять горы Цаншань и подготовить все необходимое, Знамя Парящего Тигра — отправиться к горам Тайханшань и приказать хозяину тринадцатой горной заставы готовить встречу высоких гостей, а Знамя Парящего Дракона пусть переоденется и сопровождает меня с братьями на всем пути.

Все шесть повозок тронулись в путь.

Воины Знамени Парящего Дракона переоделись торговцами, Чэнь Лян и Ван Цянь выступили в роли главарей торгового каравана, а Цзинь Унян испачкал руки и лицо, растрепал волосы, с помощью клея испортил глаза, сделав один больше другого, и облачился в очень старые, но еще крепкие одежды. Чжан Хуа посмотрел в зеркало и сквозь зубы мрачно произнес:

— Превратите меня в юную девушку.

И в самом деле, ему ничего не оставалось, кроме как изображать девицу: его овальное личико было белым и нежным, и даже дорогая пудра не могла сравниться с такой белизной и гладкостью кожи, а щеки всегда украшал едва заметный румянец.

Пара изящных изогнутых бровей-листочков ивы — такие брови не сможет нарисовать ни одна женщина, как бы ни старалась; под этими в меру густыми бровями таились длинные загнутые ресницы и пара влажных, полных чувства миндалевидных глаз, а вишнево-красные губы при малейшей улыбке открывали две очаровательные, сводящие с ума ямочки.

Точеная фигурка, мягкие суставы, гибкий стан, тонкая талия, которую даже после ежедневного обильного питья и еды можно было охватить пальцами одной руки; и даже если он в совершенстве овладел искусством владения мечом, от постоянных целебных ванн для рук на ладонях почти не осталось мозолей.

Пусть не первая красавица Поднебесной, способная затмить небожительниц, но среди бесчисленных прелестниц столицы она считалась несравненной красавицей, от природы наделенной утонченной грацией.

Фан Дицзи частенько щупала собственные пухлые и крепкие плечи, а затем поглядывала на старшую дочь, которая была заметно выше и крупнее сверстниц:

— Будь у моей дочери хоть десятая доля красоты Чжан Хуа, ей не пришлось бы беспокоиться о замужестве. А ты поистине совершенен. — Из-за этого она в шутку дразнила его домашним прозвищем Десятая матушка. Ван Цянь тоже часто говаривал: Десятая госпожа, ох, Десятая госпожа, даже Хань Цыгао не превзойдет тебя красотой.

Разве нужно было Чжан Хуа как-то особенно наряжаться под девушку? Даже в мужской одежде его вечно принимали за переодетую девицу. Столько лет подряд, глядя в зеркало, он всякий раз невольно шарил рукой между ног, только чтобы убедиться, что грудь у него не вырастет.

На голове у Чжан Хуа красовался пучок-ракушка с ханчжоускими нитями, заколотый двумя-тремя серебряными шпильками и украшенный шелковым цветком. Верх был облачен в бледно-желтую рубашку, поверх которой накинут серебристо-красный марлевый полурукавник, снизу белая плиссированная юбка, вышитая сливами, а на ногах пара маленьких вышитых туфель. На шее покачивался золотой замок, а на пальце сверкало серебряное кольцо с янтарем.

Он велел подготовить две повозки: в одну погрузили замаскированную под монаха Фан Дицзи, а вторая осталась в ее полном распоряжении.

— Третий братец! Смотри же, не забывай: я везу отца на родину, а ты — дворový слуга, прислуживающий моему батюшке.

Цзинь Унян и впрямь выглядела вылитой служанкой. Вскинув на плечо железный шест и махнув рукой, она заговорила грубым голосом с легким деревенским акцентом:

— Моя хата с краю... тьфу, я всё поняла, матушка!

Люди пустились в путь среди ночи и проехали до рассвета без единого происшествия.

Отряд из полутора десятка человек держался впереди и позади большого торгового каравана. В случае любой беды стоило пустить сигнальный дым, как союзники примчались бы на помощь в мгновение ока.

Чжан Хуа полагал, что путь обойдется безмятежным не может, но подобная маскировка вкупе с предельной осторожностью сводила на нет риск полного уничтожения.

Когда на второй день взошло яркое солнце, Чжан Хуа распорядился:

— Остановимся на постоялом дворе передохнуть до полудня, а в путь двинемся уже после. Заодно затаимся от лишних глаз и ушей. Третий, возьми людей, свяжись с людьми госпожи в городе и расспроси о новостях из столицы.

С одной стороны, он велел всем отправляться на трапезу и отдых, с другой — приказал слугам вскипятить воды, чтобы обмыть «монаха».

Чжан Хуа заново перевязал Фан Дици, протер ей шею и руки целебной настойкой и принялся потихоньку поить лекарством. К счастью, даже в беспомощности она была способна сглатывать отвар, разведенный из порошка.

На то, чтобы влить в нее чашку целебного зелья, ушло добрых полчаса, но в конце концов Фан Дици пришла в себя.

На ее лбу залегли едва заметные морщины, а щеки, за которыми в прежние дни тщательно ухаживали и которые поддерживались внутренней энергией, начисто лишились краски. Глаза, прежде лучившиеся ослепительным блеском и обладавшие странной, пробирающей до дрожи властью над людьми, потускнели, а опущенные веки делали ее облик еще более удручающим. Некогда твердый, звучный голос, всегда исполненный уверенности, жизненной силы и юмора, теперь звучал хрипло и слабо. Во взгляде ее сквозило смутное сомнение — сомнение в самой себе, в собственной проницательности.

Женщина в самом расцвете сил, перенесшая столь тяжкий удар, вмиг постарела. Она полулежала на подушках в занюханном постоялом дворе; на ее заgrimированном лице в уголках глаз и у бровей проступили мириады тончайших морщинок, а среди сбритых волос за одну ночь пробилась седина. Она стала точь-в-точь изнуренная невзгодами старуха, высохшее дерево, насквозь продуваемое ветром.

И пусть кожа ее отливала мертвенной синевой, а в выражении лица сквозила отрешенность, держалась она на удивление стойко и хладнокровно — едва очнувшись, сразу попросила каши.

Чжан Хуа опустился на колени у кровати и стал с ложечки кормить ее рисовой жижей, наблюдая за тем, как она сглатывает и как хмурится. Про себя он думал: «Удар Цаньсяна сломил не только тело госпожи, но и ее душу. С ее запасом ци внешние раны затянутся за месяц, но что делать с сердцем?»

Пусть госпожа внешне сохранила прежнее спокойствие, в ней больше не было ни капли прежнего буйства и властности. Во взгляде не мерцало ни искорки жажды мести или надежды на возрождение. Разве это была та самая прежняя госпожа Дици, что творила всё, что заблагорассудится, напролом шла к цели и смеялась над смертью на поле боя? Сейчас перед ним сидела лишь сломленная женщина, безуспешно пытающаяся казаться сильной.

Та прежняя госпожа Дици, что ни за что не уступала ни пяди, не проявляла ни капли

милосердия и мстила за малейшую обиду, была насмерть заколота ударом Цаньсяна.

В ней не осталось ни малейшего следа живого человека. Она даже не взглянула на Чжан Хуа, которого так люто ненавидела в женском платье, хотя сейчас он выглядел поистине ослепительной девицей.

Осторожно и мягко Чжан Хуа спросил:

— Госпожа, как нам быть дальше?

Фан Дицзи глухим голосом ответила:

— Выжить любой ценой. Где мы?

— В городе Сюйчжоу. Госпожа, куда мы держим путь? Сейчас у нас на выбор три дороги: выйти в море, покинуть страну через заставы или скрыться в горах.

Фан Дицзи ненадолго умолкла, а затем произвела:

— Я очнулась поздно. Изнутри императорского дворца наружу ведет тайный ход. Внутри него есть комнаты и зернохранилище; всякий раз, попадая в беду, я отсиживалась там, залечивая раны. Все те места, куда я могла бы спрятаться, Цаньсяну прекрасно известны. Единственное укрытие, о котором он не ведает — это дворцовая подземка.

— Откуда же вы знаете о нем, госпожа?

— Я служила императору, а он был государем, умевшим заботиться о своих слугах.

Цзинь Унян толкнула дверь, собираясь поговорить с Чжан Хуа, но, заметив очнувшуюся Фан Дицзи, торопливо захлопнула ее обратно, бросилась к постели и от избытка чувств не смогла вымолвить ни слова.

Фан Дицзи слегка улыbnулась и медленно проговорила:

— Смутные времена рожают героев, а в бедствии познаются верные подданные. Вы оба — мои славные дети. Где Чэнь Лян и Ван Цянь?

Чжан Хуа ответил:

— Они неподалеку ведут за собой главные силы, замаскированные под торговый караван. Если нужно, я пошлю за ними.

— Не нужно, — прерывисто вздохнув, произнесла Фан Дицзи. — Не стану скрывать: сейчас моя внутренняя энергия иссякла до капли.

Чжан Хуа в испуге воскликнул:

— Я передам вам свою ци! Цзинь Унян поспешно поддакнула:

— Верно, верно, мы все передадим тебе часть внутренней энергии, и тебе сразу станет лучше. Мы ведь практикуем схожие техники, давай же, матушка.

Фан Дицзи легко подняла руку, останавливая её:

— Мой дантянь истощен, а меридианы перекрыты. Разве вы не понимаете?

Цзинь Унян и Чжан Хуа рухнули вниз, словно сорвавшись с вершины многоэтажной башни в пустоту, или будто оборвался канат на лодке посреди бурной Янцзы. Остолбенев, они уставились на неё, и лишь спустя мгновение Чжан Хуа с трудом выдавил:

— Это потому, что он смазал клинок ядом?

— Потому что он пронзил мой дантянь, — Фан Дицзи вздохнула. — Вытащить хворост из-под котла — поистине прекрасный замысел.

Цзинь Унян воскликнула:

— Матушка, позволь мне пойти и срубить голову этому премьер-министру! Чжан Хуа вечно меня останавливает...

— Ради моего сына он не может умереть.

— Матушка!

— Послушай меня.

От нахлынувшего волнения Фан Дицзи чуть шевельнулась, и от боли в ране на животе её лицо судорожно исказилось. Медленно заговорив, она продолжила:

— Мой сын — его сын. Если я умру, у них останется отец. Но если мы погибнем оба, они станут круглыми сиротами, которых враги меня и его станут преследовать, шантажировать и калечить.

Она немного помолчала и попросила Чжан Хуа поддержать чашку, чтобы сделать глоток воды:

— Прямо как моя мать. При жизни она была благородной и бесстрашной героиней, наводившей страх на все цзянху, а мой отец возглавлял двенадцать округов Северного пути. Я росла с ними до пятнадцати лет, ела лучшее, играла в лучшие игры, купалась в таком почёте и вседозволенности, что казалась себе всемогущей. Но после смерти родителей мне пришлось хлебнуть лиха лишь потому, что моей матерью была именно она. Родители и дети делят и славу, и позор.

Пока мои отец и мать были живы, их слава гремела повсюду, и каждый почтительно называл их не иначе как великими героями. Стоило им умереть, как они вмиг превратились в воров и разбойников. Из ребенка знатных родителей я стала потомком разбойника, от которого за версту разит дурной славой. Каких почестей я удостоилась благодаря отцу с матерью, в десятки раз больше унижений претерпела после их ухода. Поскольку они оба мертвы, я оказалась беззащитной и безвольной сиротой, ни боевых искусств, ни ума, ни надежного приюта. И ни одно из владений моих родителей не досталось мне.

— Матушка, ты не умрешь!

— У меня нет ни внутренней энергии, ни боевых навыков, я даже могу остаться парализованной. Разве сможет такая, как я, по фамилии Фан, удержать семейное дело резиденции премьер-министра? Сможет ли заставить людей сражаться за неё насмерть и повернуть всё то, что удавалось прежде? Если я поднимала руку — враг тут же падал замертво, но на то у меня были способности. Блистать перед людьми, горделиво возвышаться над всеми — в этом заключалась моя сила.

Фан Дицзи вымолвила:

— Каких масштабов дела я вершила, такой и снискала славу, статус и почет. Раньше мы с ним были едины сердцем и душой, а теперь я разрушена, и он собственноручно отсек себе руку. Теперь мне конец, я не в силах поддержать всё то, что было в прошлом. Лишь если я полностью исцелюсь... иначе отцу детей нельзя умирать. Вы должны понимать: в доме тысячи ртов, но хозяин — один. Другим я не доверяю, моей старшей дочери всего десять, а вы четверо не сможете удержать столь колоссальное семейное дело.

Чжан Хуа недовольно запротестовал:

— Матушка!

Фан Дицзи выглядела невероятно уставшей; тяжело вздохнув, она тихо и неторопливо заговорила:

— Чэнь Лян мягок, добродетелен, учтив и обладает широтой взглядов, но в нем нет решительности и безжалостности. Он годен в управлении округом, но не в роли премьер-министра и тем более не сможет удержать мое наследство.

— Ван Цянь слишком заносчив, никого не ставит ни во что, языком мелет без удержу, хитер до мозга костей — будь он полководцем, я бы трепетала от страха, что он сболтнет лишнего и наживет врагов.

— Цзиньэр — хорошая девочка, но безрассудна и простодушна, ей чужда тонкость. Что она умеет, кроме как драться, убивать и есть?

— А ты, Чжан Хуа, Чжан Хуа... У тебя мелочный характер и ядовитые методы, но при этом ума палата. Если передать семейное дело в твои руки, оно процветает ненадолго, а в конце концов каждый затаит злобу, но никто не осмелится пирог сказать, и ни у кого не будет хорошего конца.

— Не думайте, что я предвзята. Если говорить о благородстве — у него манера бессмертного мудреца, изящество и широта героя. Если говорить о терпении — он не станет затевать пустых споров, стерпит даже плевки в лицо, сломит противника силой духа, но не убьет. Если говорить о решительности — не отступит на поле боя, нанесет удар без колебаний. С литераторами он толкует о стихах, с воинами пьет вино на равных; министрам говорит о государственном устройстве, военачальникам — о пограничных кострах. С людьми он говорит по-человечески, с демонами — по-демонически, и всё это выглядит донельзя естественным. Никто из вас с ним не сравнится. И дело не только во мне, его бывшей соратнице, даже его заклятые враги вынуждены признать в нем прямого, благородного мужа, человека высокой морали и истинного конфуцианца.

— Но ведь он совершил такое неблагодарное и вероломное предательство!

— Прежде мы точно так же поступали с другими. Го Шэн говорил: жажда мести за малейшую обиду и четкое разделение на добро и зло — вопрос лишь занимаемой позиции.

Фан Дицзи вздохнула:

— Спрячьтесь. Уведите меня и спрячьтесь.

Цзинь Унян запротестовала:

— Матушка, лишь убив этого старого негодяя, ты сможешь в безопасности залечить раны.

Чжан Хуа заметил:

— Убить матушку жаждет не только премьер-министр.

— Лишь сгинуть от рук рабов да бесславно околеть в хлеву — не подобает смерти Фан Дицзи.

Фан Дицзи глубоко вдохнула — внизу живота всё еще отдавало тупой болью.

— Идите поешьте, а как закончите — уходите.

— Матушка, ты хочешь уйти громко и ярко или желаешь, чтобы другие ушли столь же шумно?

Фан Дицзи посмотрела на силуэт за окном и вздохнула:

— Не мне это решать. Очень скоро ты все поймешь, Десятая. Ты всё еще слишком молода, я слишком оберегала тебя, и с по-настоящему грязными вещами ты еще не сталкивалась. Вели принести еду сюда, будете есть в моей комнате.

На лице Чжан Хуа промелькнуло недовольство, но перечить он не посмел.

Цзинь Унян велела трактирному слуге принести еду прямо в комнату, и они принялись есть, продолжая обсуждение.

Фан Дицзи тихо лежала неподвижно, как вдруг произнесла:

— Десятая, как звучали те стихи, что я просила тебя запомнить?

Чжан Хуа опустила палочки и чашку:

— Увядающие годы, увядающая жизнь холодны, как вода... Прохладны слезы, словно звезды, плывущие над диким полем, звезды склоняются над равниной, а сердце подобно воде... Разделить с тобою кров, рогожу и луну. Матушка, тогда я слышала их урывками, запомнились лишь эти четыре строки. К чему ты об этом заговорила?

В глазах Фан Дицзи промелькнула задумчивость:

— В юности я повстречала одного даоса. Он сказал, что у меня есть предрасположенность к бессмертию, но мне суждено пройти через смертельное испытание, чтобы отречься от бренного мира. И до сих пор я считаю, что он нёс чушь.

— Конечно, чушь! Матушка, не бери в голову. С твоей красотой и величием тебе самое место на собраниях у озера Яочи. А смертельное испытание — это просто смерть, ведь даосы всегда говорят, что люди после смерти становятся бессмертными.

— Нет, тот даоса умел превращать камни в золото. Мне тогда досталось два ляна золота, иначе кто стал бы тратить время на болтовню с ним, когда надо было думать о пропитании?

— Превращать камни в золото? — Цзинь Унян подняла перепачканное желтой пшеничной кашей чумазое личико. — Матушка, ты научилась этому?

— Я сказала, что хочу научиться, а он обозвал меня жадной и бесстыдной, да и ушел разозленный.

Чжан Хуа рассмеялась:

— Раз не стал учить, значит, и впрямь был обманщиком, наверняка просто фокусы показывал.

— Никакие фокусы не способны превратить половину кукурузной лепешки в точно такой же слиток золота, из-за чего я потом полгода ломала голову, — Фан Дицзи была весьма разочарована. — Если бы он тогда обучил меня искусству превращения камней в золото, я бы наверняка увязалась за ним в даосский монастырь и промышляла бы монашеством. Не было бы прежнего богатства и почета, зато не было бы и нынешнего конца.

Слушая ее горестные речи, Чжан Хуа и Цзинь Унян прониклись печалью, но, взглянув на ее поведение, заметили, что она способна шутить даже над своей лысой головой — в ее словах сквозила доля горькой, полушутливой иронии.

Чжан Хуа втайне немного успокоилась: пока к Фан Дицзи не вернулось прежнее самообладание, даже при проигранной партии всегда остается шанс на возрождение. Даже Сян Юй, если бы не пожалел ради Юй Цзи жизни и вернулся за реку Цзяндун, вполне мог бы уничтожить Ханьского вана с Севера.

Человек может проиграть всё, кроме боевого духа.

Кто бы мог подумать, что во второй половине дня, когда всё было готово к отправлению, вся прислуга вдруг потеряла сознание. Приглядевшись, они обнаружили, что у каждого уголки глаз стали лиловыми, между бровей залегла чернота, а из ушей сочилась кровь.

Во всем отряде в целостности и сохранности остались лишь трое: Фан Дицзи, Чжан Хуа и Цзинь Унян.

Фан Дицзи из своей комнаты произнесла спокойным, ровным голосом, полным холодной уверенности:

— Все мертвы, верно?

Голос долетел до соседней комнаты, прямо в уши застывшему в мертвой тишине Чжан Хуа.

Не ожидавшая столь стремительного нападения убийц, Чжан Хуа на мгновение растерялась, но тут же вспомнила, что решения теперь принимает Фан Дицзи:

— Да, матушка, что нам делать?

— Дай мне мой меч, — бесстрастно произнесла Фан Дицзи. — Быть может, они не собирались убивать вас, а может, не хотели убивать меня — кто знает. Отныне будете жить и есть вместе со мной. Кому улыбнется удача — пусть поделится с остальными. Даже ничтожные букашки цепляются за жизнь, и если кто-то ищет пути к спасению, препятствовать я не стану.

Цзинь Унян закричала:

— Даже умерев, я буду охранять матушку! Мы с этим старым негодяем несовместимы под небесами!

Чжан Хуа вымолвила:

— Пока жива матушка, я готова умереть ради нее.

Фан Дицзи слегка кивнула и поманила их пальцем:

— Подойдите ближе.

Тихо проговорила она:

— Пятая и Десятая, выходите обе, а меня оставьте здесь. Пятая вернется тайком и спрячется на балке в моей комнате — посмотрит, не явится ли кто. А ты, Десятая, ступай проверь: если я не ошибаюсь, прямо сейчас Чэнь Лян и Ван Цянь нуждаются в твоём спасении.

Она закрыла глаза и на мгновение задумалась:

— Запомни: тут можно брать лишь хитростью, силой их не одолеть.

Чжан Хуа поспешно отправилась на поиски Чэнь Ляна и Ван Цяня, но обнаружила лишь усеянный трупами постоялый двор — больше сотни искусных бойцов были мертвы.

Живых Чэнь Ляна и Ван Цяня обнаружить не удалось.

Тем временем Фан Дицзи в одиночестве заказала в комнату разваренные мясные тефтели и тушеную до мягкости свиную рульку. Глядя в зеркало на свой монашеский облик, она принялась обеими руками жадно загребать еду, измазав лицо жиром.

Самой ей было немного противно: годы сытой и роскошной жизни приучили ее брезговать столь неряшливым существованием.

Когда слуга пришел забирать посуду, она сложила ладони у груди:

— Амиабха... Малыш-благодетель, у нищенки-монахини есть к тебе одна просьба, не откажешь ли?

Слуга, одновременно презиравший этого монаха-мясоеда и посмеивающийся над неуместным приветствием, тем не менее расплылся в улыбке:

— Говорите, наставник, что требуется — всё исполню.

Фан Дицзи произнесла:

— Нищенка-монахиня сегодня оскорбила звезду Байху. Чтобы скрыться и оставаться невидимой для владыки Байху, мне нужно измазать лицо пеплом от благовоний со свиным жиром. Если в лавке есть курильница, перед которой почитают Бога Богатства или Гуаньинь, не мог бы благодетель завернуть для меня немного золы из нее? Сделать это нужно тайком, чтобы ни третья душа не узнала.

Слуга ответил:

— У нас тут почитают лишь господина Гуаня, а вовсе не Будду, так что пепел от благовоний не буддийский. Сгодится ли такой наставнику?

Фан Дицзи подумала: да мне плевать, чьбы он ни был, лишь бы пепел. С улыбкой сложив ладони, она промолвила:

— Лучше и быть не может! Князь Гуань — несравненный образчик преданности и долга с древнейших времен, он лучше всего отгоняет нечисть.

<http://bllate.org/book/21775/2251789>